

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ МОРФЕМНОГО СЛОВАРЯ

© 2002 А.А. Кретов

Воронежский государственный университет

Универсальными и предельными знаками языка, присутствующими во всех языках мира и составляющими все значимые единицы языка являются морфемы. Поскольку язык – это система знаков, то для его описания минимально необходимы инвентарь знаков (морфемарий) и правила их сочетания (морфотактика).

Между тем на сегодня наука, как правило, не может предъявить ни исчерпывающего инвентаря морфем конкретного языка, ни исчерпывающей информации об их сочетаемости. Причина этого в следующих ограничениях, наложенных на работу лингвистов.

- 1) Представление морфемного членения в орфографической записи. Это неизбежно приводит к многочисленным некорректным решениям: объединению различного и разделению сходного.
- 2) Постулат о противопоставленности синхронии и диахронии, трактуемый как запрет на обращение к прошлому при описании настоящего.

Предлагаемый нами подход основан на ином представлении: *прошлое, не исчезает, а перемещается в глубинный уровень языка, формируя его сущность* (ср. идею Н.Д. Шмелёва об эпидигматике как глубинной оси языка).

По существу, мы возвращаемся ко взгляду И.А. Бодуэна де Куртенэ, писавшего, что *“результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии”* [Бодуэн 1963-1:67]. Если для XIX века идея Бодуэна о единстве исторического и логического была едва ли не тривиальна, то для начала XXI она – едва ли не откровение.

Между тем аналог ей мы находим в “успешно преодоленной” западной лингвистикой концепции *линейной генеративной фонологии* Н. Хомского и М. Халле, выполненной на мате-

риале английского языка [Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N.Y., 1968].

Еще более ранним аналогом является активная грамматика Панини, хотя и не имевшая диахронического осмысления, но чреватая им.

Концепция словаря сводится к следующему.

1) Этимология является не отражением далекого прошлого, а представлением глубинной сущности настоящего. Современный язык является результатом долгого исторического развития, поэтому понять и описать его – и значит воспроизвести в важнейших чертах его историю, начиная с самого удалённого от нас (из доступных) во времени момента – этимологического представления.

2) Так называемые “фонетические законы” – исторические фонетические процессы – описывают не только далёкое прошлое, но и современные правила перехода с глубинного уровня языка на поверхностный. Или точнее – переход от языка к речи. Сам процесс этого перехода и является “речевой деятельностью”.

3) Орфографическая или акустическая форма слова представляет поверхностный лингвистический уровень (речь).

4) В пространстве языка слово является не точкой, а траекторией, и поэтому не может быть приписано какому-то одному моменту истории языка. Причина этого кроется хотя бы в том, что корни, суффиксы, префиксы и флексии по времени возникновения принадлежат разным “хронологическим слоям” (в современной терминологии – хронологически различным системам).

5) Морфемное членение слов и представление морфов должны осуществляться в этимологической транскрипции, а членение слова на морфы должно учитывать разные типы морфемных стыков. В существующих морфемных словарях все стыки представлены одинаковым образом и не имеют формальных признаков различия.

6) Новой является и транскрипция, применяемая в словаре. Традиционно этимологическая транскрипция дается в латинской гра-

фике и сопровождается астериском (звёздочкой), что свидетельствует о гипотетичности реконструируемой формы и отражает позитивистский менталитет второй половины XIX века. Кроме того, латинская графика в стране с иным алфавитом (например, в России) выполняет функцию отпугивания непосвящённых, т.е. большинства носителей русского языка. В словаре целесообразней использовать этимологическую транскрипцию на национальной основе по следующим причинам: а) этимологическое представление трактуется не как гипотетическая реконструкция неведомого прошлого, а как форма представления глубинной сущности настоящего; б) этимологическая транскрипция должна не отпугивать русских людей, а помогать им формировать и укреплять языкое чутьё; в) представление этимологической транскрипции на национальной основе обладает ещё и чисто технологическим (важным для дальнейшего компьютерного использования словаря) преимуществом: переход от глубинного уровня к поверхностному не требует “переключения кодов” – перехода с одного алфавита на другой; г) выбор нелатинского алфавита позволяет использовать некоторые буквы латинского алфавита для отличия фонем и их частей от незначимых (чисто технических) составляющих слова (протез и эпентез).

7) Последовательность правил перехода от глубинного уровня к поверхностному воспроизводит историю фонетических процессов, результатом которых является современный язык и современная форма слова.

8) Методологической основой словаря является системный подход. Конкретно он проявляется в том, что глубинное представление слова должно осуществляться не только с учетом всех словоформ данного слова, но и с учетом всех родственных и изоструктурных слова языка. Короче – каждое слово как элемент может быть понято и интерпретировано только на фоне всего словаря (языка), т.е. на фоне всей системы. Ни один из опубликованных морфемных словарей не декларировал и тем более не реализовывал этого принципа.

9) В “Словаре морфем русского языка” А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой реализован

принцип рассмотрения слов современного русского литературного языка на фоне всей системы общенародного языка в её временных и территориальных вариациях. Этому принципа мы также придерживаемся неуклонно. Его реализация позволяет видеть в этимологической транскрипции внутреннюю реконструкцию русского языка. Вслед за Г.П. Мельниковым и Т.А. Ляхнович при морфемном членении и этимологической транскрипции слов мы пользуемся “методом этимологической коррекции”. Внутренняя реконструкция может приходиться в противоречие с внешней реконструкцией, основанной на сопоставлении с родственными индоевропейскими языками. В таких случаях мы предпочитаем сохранять форму, основанную на данных внутренней реконструкции. Практика реконструкции индоевропейской просодии (В.М. Иллич-Свитыч, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк) показала, что решения, опирающиеся на внутреннюю реконструкцию, надёжнее, продуктивнее и перспективнее. О этом же неоднократно писал Вяч. Вс. Иванов. Кроме того, возможности внешней реконструкции уже в значительной степени исчерпаны, и только опора на внутреннюю реконструкцию может вдохнуть в этимологические исследования новую жизнь.

10) Этимологическая транскрипция позволяет значительно уточнить наши представления о количестве и качестве морфем и их сочетаемости. Причем это в равной мере касается всех типов морфем. Разумеется, этимологическая транскрипция не решает автоматически всех задач по сведению морфов в морфемы, но значительно облегчает их решение, ибо сводит к минимуму формальное варьирование морфем. Например, вместо семи орфографических вариантов корня ВЕДу, ВОЖу, ВОДит, ВЕСтИ, ВЕла, ВЁл, ВОЖДение этимологическая транскрипция дает только два: ВЕД- и ВОД-.

11) Словарь мыслится состоящим из двух больших частей. Первая часть равна словарю морфемного членения, содержащего три столбца информации: словарную (орфографическую) форму слова, этимологическую транскрипцию и набор правил перехода от транскрипции к орфографической форме.

Например:

Слово	Членение и транскрипция	Правила
ААРОНОВЩИНА	аарОн=ов=ьск=ин_а	65;903;53;52;
АБА	аб_А	52;
АБАДЗЕХИ	абадзЭх_и	52;144;
АБАДИТЫ	абадИт_ы	52;
АБАЖУР	абажУр_ь	50;52;
АБАЖУРНЫЙ	абажУр=ьн_ый	83;53;52;
АБАЖУРОДЕРЖАТЕЛЬ	абажур_о дьрг=Ё=тел_ь	264;86;79;53;55;52;
АБАЖУРЧИК	абажУр=ьк=ик_ь	73;74;50;53;52;

Правила:

Имя	Было	Стало
50	_ь	_
52	_	
53	=	
55	{пробел}	
65	ск=и	щ=и
73	к=и	ч=и
74	=ьч=и	=ч=и
79	ьрг	ерг
83	=ьн_ы	=н_ы
86	ж=Ё	ж=А
144	Э	Е
264	г=Ё	ж=Ё
903	ьщ=и	щ=и

12) Ближайшим прототипом второй части словаря является “Словарь морфем русского языка” А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 1986), содержащий радикарий (корнеслов), префиксарий (свод приставок) и суффиксарий (свод суффиксов) русских слов и дающий полную информацию о дистрибуции каждого из морфем. Отличие состоит в том, что в нашем словаре вторая часть будет даваться не в орфографической форме, а в этимологической (фонематической - в понимании С.И. Бернштейна) транскрипции.

Техническая сторона словаря связана с морфемным членением слова в этимологической (фонематической) транскрипции, специфика и детали которой обсуждаются ниже. Хотя обсуждение этих вопросов и ведётся на примере русского языка как наиболее близкого автору и читателям, аналогичным образом эти вопросы могут решаться на материале любого языка.

ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

не хотя и близка к этимологическому представлению слова, не абсолютно тождественна ему:

1) она имеет дело только с регулярными, закономерными преобразованиями: из фонематической записи орфографическая форма выводится автоматически, если, конечно, сама орфографическая форма закономерна, а не аномальна;

2) она фиксирует коллизию между внешней и внутренней реконструкцией. До сих пор мы акцентировали тождество этимологической и фонематической транскрипций. Теперь укажем на их различие. Под этимологической транскрипцией уместнее понимать форму, полученную в результате внешней реконструкции, тогда фонематическая транскрипция будет указывать на форму, полученную в результате внутренней реконструкции (т.е. без выхода за пределы данного языка во всем его историческом и территориальном многообразии).

ПРАВИЛА ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ:

1) не употребляются буквы Я, Ю, Ё, заменяясь на ЙА ЙУ ЙЕ после гласных и 'А, 'У, Е после согласных.

2) буква j употребляется для обозначения интервокального гласного, не являющегося ни морфемой, ни частью морфемы.

3) буквы Ъ, Ь, і, І употребляются для обозначения беглых О, Е, И - соответственно. Ё, ё - для обозначения ЯТЯ.

4) Носовые гласные обозначаются как сочетание гласного с носовым согласным [ЕН, ОН] и т.п. Это нужно, прежде всего, для причастий и личных форм глагола.

5) символы “-”, “=”, “_”, “ ” (знак пробела) обозначают префиксальный, суффиксальный, флективный и межсловный стыки, соответственно. Позиция префиксального стыка - после префикса, суффиксального и флективного - перед суффиксом и флексией. Межсловного - между словами (в том числе и служебными).

6) в фонематической транскрипции обязательно указывается ударение - изменением регистра ударного гласного, например, *конёк* {кон=Ьк_ь}.

7) из нулевых морфем признается и употребляется нулевое окончание, например, {вЕрт=мен_Ø} (*время*), но {вЕрт=мЕн_ь} (*времён*), а также нулевой степенной суффикс в глаголах: *дать* {да=Ø=ті_#}.

8) После суффикса =ОВ(А) нулевой суффикс не обозначается, поскольку сам этот суффикс рассматривается как выразитель нулевой степени глагольного действия.

ПРОЧИЕ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Я Ю Ё - Не используются в фонематической транскрипции.

Э - употребляется только в заимствованных словах.

Ж, Ч, Ш, Щ, Ц - употребляются только при транскрибировании заимствований и звукоподражаний, потому что и там, и там используются не только основные варианты фонемы, но и любые иные аллофоны.

Ъ - употребляется в значении беглого гласного [О].

Ь - употребляется в значении беглого гласного [Е].

Ударность указывается изменением регистра на заглавный.

Латинскими буквами, отсутствовавшими в расширенной кириллице (до реформы 1917-1918 гг.), обозначаются звуки, входящие в состав слова, но не входящие в состав морфем (протезы и эпентезы).

j - для Й-протетического и эпентетического: *юный* {jУн_ый}; *зазнайка* {за-знАj=ьк_а}.

s - для С-мобиле - факультативного элемента морфемы, наличиеотсутствие которого не нарушает тождества морфемы. например, *пичка* - *спичка*;

	<i>подспудный</i> {подь+спОНд=ьн_ый} – <i>пядь</i> {пЕнд_ь}.		хочется писать не по-русски - * <i>ай́ям аль-араб</i> .
t	- обозначает Т-эпентетический латиницей, как не нарушающий тождества морфемы, не являющийся ее частью, а навязанный фонетикой (фонотактикой).	+	обозначает стык внутри сложной основы, характер которого неясен или неважен.
v	- для В-протетического и эпентетического: <i>восемь</i> {vОст+м_ь}, <i>внук</i> {вън=ук_ь}, ЧУВСТВО {кЕУv=ьск=тв_о}, <i>покрывало</i> {покры=vА=л_о}.	'	обозначает мягкость предшествующего согласного.
	Если буквы кириллицы и латиницы совпадают, протезы и эпентезы даются в круглых скобках. Например, <i>рисовать</i> {рис=ов(А)=тi_#}.	`	означает ударность <i>первого</i> гласного при полногласии в группах TERT, TELT, TORT, TOLT. Например: <i>ворог</i> {в`Орг_ь}, <i>ворон</i> {в`Орн_ь}, <i>ворот</i> {в`Орт_ь}, <i>деревце</i> {д`Ер=в=ьк_e}. В отсутствие знака по умолчанию ударен второй гласный. Например: <i>ворона</i> {вОрн_a}, <i>голова</i> {гОлв=ьк_a}, <i>корова</i> {кОрв_a}, <i>деревня</i> {дЕр=в=ьн'_a}.
	- аббревиация (усечение слова). например, <i>райзо</i> {рай з О_#} - <i>РАЙ онный</i> <i>Земельный</i> <i>Отдел</i> .	Ø	обозначает нулевую морфему. Например: БИТЬ {би=Ø+тi_#}, ВРЕМЯ {вЕрт=мен_Ø}.
=	- так обозначается переход от аббревиации к суффиксации.	#	- символ <i>нулевой парадигмы</i> словоизменения. Нулевая парадигма имеет место в том случае, когда она состоит из одного грамматического значения (как например, {а_#}, {ай_#}, {авОсь_#}, формы инфинитива – {абонИр=ов(а)=ть_#} или сравнительной степени прилагательного – {ал=Ей_#}) или когда все значения грамматической парадигмы передаются одной формой (например, ай_#, бонО_#, бордО_#). В случае, если словоформа оторвалась от своей парадигмы и утратила способность к изменению, знак # ставится после окончания. Например {дОм_а#}, {дом_Ой#}.
/	- так обозначен переход от исконной системы аффиксации к интернациональной.		
\	- так обозначен переход от интернациональной системы аффиксации к исконной.		
()	- случаи диэрезной аббревиации типа {ком()Ат_ь} < <i>ком(иссари)ат</i> . Ср. <i>военкомат</i> {вой=ьн ком()Ат_ь}; {шИз(ик_ь) < <i>шиз(офрен)ик</i> .		
	- случаи диэрезно-композиционной аббревиации типа {лА зэр_ь} < <i>ЛАЗЕ рный генерато Р</i> или "{мо пЭд_ь}" < <i>МО тоцикл-велоси ПЕД</i> ; {электр Ол_a} < <i>ЭЛЕКТР о+ради ОЛА</i> .	ОУ	- обозначает [У], чередующийся с [ОВ]: <i>рисУю</i> – <i>рисОВал</i> , <i>сУёт-сОВал</i> .
{-}	указывает на написание словарной единицы через дефис: <i>ринк-хоккей</i> > {ринк{-}хоккЭй_ь}.	ЕУ	- употребляется вместо [Ю]. <i>любовь</i> – {леуб=Ьв_ь}; [У] после шипящих и аффрикат <i>чУдо</i> {кЕУд_о}, но <i>кудесник</i> {коуд=Ес=ьн=ик_ь} или [У], чередующегося с [ЕВ]: <i>ночУю</i> - <i>ночЕВать</i> .
[]	- используется для обозначения раздельного написания лемм - словарных единиц: <i>а капелла</i> , <i>без умолку</i> , <i>в головах</i> , <i>гран па</i> и т.п.	ЕН	- на месте [Я, А], чередующегося с [ЕН, ИН, ИМ] и т.п.: <i>звЯкать</i> - <i>звЕНеть</i> , <i>смЯять-смИНать</i> , <i>пожАть</i> - <i>пожИНать</i> , <i>пожИМать</i> .
"	- применяется в заимствованиях для обозначения твердости мягкого согласного, предшествующего знаку, или несмягчения твёрдого согласного в позиции перед смягчающим гласным, а также - как универсальный технический разделитель, соответствующий незаконно узаконенным орфографическим написаниям, например, <i>ай́ям аль-араб</i> {ай"Ам_ь}. Законное написание - * <i>аям аль-араб</i> или – если уж очень	ОН	- на месте [У], чередующегося с [ОН]: <i>звУчный</i> - <i>звОНкий</i> .
		ЕЙ	- на месте [И] дифтонгического происхождения: <i>изжИть</i> {из-гЕЙ=Ø=тi_#}, но {из-гОй_ь}.
		ОЙ	на месте [Е] - ятя дифтонгического происхождения, например, <i>цеп</i> {кОЙп_ь}.

Все существующие словари морфем ориентированы на поверхностную (орфографическую) форму представления, что лишает лингвистов возможности: во-первых, корректно проводить границы между морфемами, а во-вторых, не позволяет им за разными звуками рассмотреть одинаковые фонемы, и за одинаковыми звуками – разные фонемы. Тем самым формально тождественными оказываются генетически и функционально разные части слова, что приводит к искажению в представлении морфемного инвентаря (морфемария) конкретного языка.

Принципиальная новизна предлагаемого описания состоит в том, что морфемное членение слов в нем осуществляется не в орфографической форме, а в авторской этимологической транскрипции. Концепция словаря построена на признании языка глубинным, а речи – поверхностным уровнем представления (и существования) лингвистических единиц (морфем и фонем).

При этом этимологическое представление слова рассматривается не как “давнепрошедшее” время языка, а как его современный глубинный (сущностный) уровень, от которого по известным правилам можно перейти к его поверхностному уровню (речевому и орфографическому), в чем, собственно, и состоит “речевая деятельность”. Этими “известными правилами” являются исторические фонетические процессы или “фонетические законы”. Предлагаемый взгляд позволяет соединить, синтезировать в единой научной концепции и действующей компьютерной модели диахронию и синхронию, историческое и логическое, статику и динамику языка, описание и объяснение фонетических процессов. Этимологическая транскрипция позволяет значительно уменьшить количество морфем в языке за счет объединения в морфемы позиционно чередующихся морфов. Включение в динамическую порождающую модель языка историко-фонетических законов в их исторической последовательности позволяет выявить все нерегулярности и поставить вопрос об их причинах, а также уточнить наши представления об относительной хронологии фонетических процессов в современном, древнем и праязыке. Строго лингвистический подход к выделению и отождествлению морфем позволяет по-новому взглянуть на функции и семантику морфем, выявить новые морфонологические явления. Принципиально новым (хотя и давно предложенным классиком фонологии Н.С. Трубецким) является

последовательное и явное различие в транскрипции разных морфемных позиций: стыковых – флективного, суффиксального и префиксального стыков и нестыковой позиции – вокализма корня. Это различие позволяет увидеть регулярность фонетических процессов на каждом из стыков, тогда как без этого обнаружить регулярность было бы невозможно.

Может показаться, что концепция словаря страдает антиисторизмом и отрицает различие синхронии и диахронии. Это, разумеется, не так. Проблема состоит в том, чтобы принцип историзма совместить с принципом системности, чтобы в самом объекте найти основания для его хронологической стратификации. До тех пор, пока эта задача не решена, нет иного выхода как этимологизировать слова на максимально достижимую средствами данного языка глубину и только после этого искать основания для хронологической стратификации словаря. При этом глубина этимологизации в словаре опирается на принцип разумной достаточности: углубление в историю совершается лишь в той мере, в какой это необходимо для объяснения фактов современного языка, наблюдаемых “невооруженным глазом” на его поверхностном (речевом, фонетическом) уровне.

Необходимо осуществить морфемное членение в этимологической транскрипции всего корпуса словаря конкретного языка в его как можно более полном варианте.

Наличие его электронной версии делает принципиально возможным его интеграцию в “Машинный фонд языка”. В перспективе он может быть представлен в виде многоцелевой электронной базы данных. Тем самым лингвисты получают доступ к информации о количественных и качественных параметрах морфем и морфов, о сочетаемости морфем данного языка и их дистрибуции.

Прикладное значение результатов проекта видится в следующем.

Поскольку этимологическая транскрипция является результатом внутренней реконструкции, данные словаря могут быть использованы этимологами. Полнота открываемой им информации сделает его интересным и для лингвистов-типологов.

Правила перехода от языка к речи (и наоборот) могут быть использованы в практике эвристического (проблемного и объяснительного) преподавания данного языка в высшей и средней школе, как его носителям, так и иностранцам.

Правила перехода от поверхностного уровня к глубинному и обратно могут быть

использованы в компьютерном деле при создании лингвистического обеспечения информационных процессов нового поколения.

Наконец, база данных, которая может быть создана на материале морфемного словаря позволит исчислить все правила и исключения и на этой основе подготовить максимально выверенные и взвешенные рекомендации по реформе той или иной орфографии с учетом запросов эры новых информационных технологий. Компьютерная эра настоятельно требует такой реформы; и чем скорее и квалифицированной последняя будет подготовлена, тем в большем выигрыше окажется наше общество.

Успех в реализации изложенных идей на материале одного языка будет способствовать стремлению других народов получить аналогичные выгоды на материале других языков.

Теоретическую базу реализуемого подхода составляют идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, Н.С.Трубецкого, С.И.Бернштейна, представителей Московской фонологической школы, Т.В. Булыгиной и Г.П.Мельникова. Предлагаемый подход находит мощную поддержку в положениях и результатах отечественной школы акцентологии, представленной в работах В.М. Иллича-Свитыча, В.А. Дыбо, А.А. Зализняка, их учеников и последователей.

Являясь органическим развитием идей отечественной лингвистики, наш подход имеет на Западе некоторое подобие в виде “линейной генеративной фонологии” Н. Хомского и М. Халле (1968), выполненной на материале английского языка, и – отчасти – в “лексической фонологии” П. Кипарского (1982, 1985). За справедливой критикой слабостей и недостатков западная лингвистика не сумела рассмотреть большого научного потенциала этих теорий, отмеченного отечественными лингвистами (Т.В. Гамкрелидзе, Г.А. Климовым). В результате на Западе вместе с грязной водой из корыта выплеснули и ребёнка. В настоящее время в западной фонологии позитивизм взял реванш за временные поражения: сначала под именем “нелинейной фонологии”, а теперь в виде так называемой “теории оптимальности”. Принципиальным отличием всех этих теорий является стремление к фонетическому универсализму при полном абстрагировании от прочих уровней языка. Между тем понять фонетические процессы, абстрагируясь от морфемики, морфологии, словообразования и синтаксиса языка – попытка заведомо обречённая на провал.

Наличие правил перехода, фактически равных “фонетическим законам” или процессам исторической фонетики, позволит получать в рамках литературного языка полный материал, иллюстрирующий те или иные фонетические процессы, известные из истории языка. Разумеется, не всё в языке строго закономерно, но предлагаемый подход позволит узнать соотношение закономерного и аномального в языке, а также сформировать корпус аномального, что само по себе будет значительным научным результатом, ибо позволит поставить задачу поиска закономерного в аномальном.

Словарь такого типа полезен не только теоретикам и историкам языка. Он необходим и преподавателям для иллюстрации того, как история живет и действует в материале современного языка, чем исконная лексика отличается от интернациональной, в чем отличие апеллятивов от онимов, современного языка от праязыка.

Таким образом, предлагаемый проект предполагает создание базы данных, в которой смогут найти свой материал исследователи, а также составители лингвистических словарей и учебников весьма широкой направленности и тематики.

По данной теме имеются следующие публикации.

1. Суффиксальный стык: прошлое в настоящем //Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания, Вып. 10. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998, с.123 - 135. - 0,7 п.л.

2. (В соавторстве с Л.Н. Матыциной) Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина: Ок. 23.000 слов. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1999. - 208 с. - 26 п.л.

3. Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия //Язык и национальное сознание. Вып. 2. - Воронеж: ЦЧКИ, 1999, с.118-122. - 0,3 п.л.

4. О неадекватности научной парадигмы Московской фонологической школы // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс преподавателей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова. – М.: Изд-во МГУ, 2001, с.237. – 0,1 п.л.

5. Фонема: аксиоматика и выводы // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002, № 2

турная коммуникация, 2001, № 2, с.50-63. – 1,75 п.л.

6. О возможности “Морфемно-морфонологического словаря языка Ф.М. Достоевского” // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001, с. 252-271. – 1,25 п.л.

7. Четвертая транскрипция // Аванесовские чтения: Международная научная конференция: Москва, 14-15 февраля 2002 г.: Тезисы докладов /Под ред. М.Л. Ремневой и М.В. Шульги. – М.: МАКС Пресс, 2002, С.157-160. – 0,2 п.л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания, 1962, № 5, с.63.

2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, ТТ. 1-2, М.: Изд-во АН СССР, 1963 - 384 и 392 с.

3. Булыгина Т.В. Проблемы теории и практики морфонологического описания, // Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1975, № 4;

4. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977.

5. Ворт Д. О роли абстрактных единиц в русской морфонологии // Развитие современного русского языка. 1972, М., 1975.

6. Гамкрелидзе Т.В., Дезаффрикатизация в сванском: «Правила переписывания» в диахронической фонологии. Тбилиси, 1968, с.29.

7. Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981.

8. Зализняк А.А. От славянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. – 430 с.

9. Зубкова Л.Г., Лексичность-грамматичность языка и его звуковой строй // Фонетика в системе языка. Сб-к статей, Вып. 1. М.: Изд-во РУДН, 1997, с. 26-48.

10. Зубрицкая Е. Фонология // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.

11. Иванов Вяч. Вс решения, опирающиеся на внутреннюю реконструкцию, надёжнее, продуктивнее и перспективнее.

12. Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

13. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. – М.: Наука, 1990, с.87.

14. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Современная американская фонология. М., 1981.

15. Кретов 1998: Кретов А.А., Суффиксальный стык: прошлое в настоящем //Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания, Вып. 10. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998, с.123 - 135. - 0,7 п.л.

16. Кретов А.А., Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия //Язык и национальное сознание. Вып. 2. - Воронеж: ЦЧКИ, 1999, с.118-122. - 0,3 п.л.

17. Кретов А.А., Фонема: аксиоматика и выводы // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001а, № 2, с.50-63. – 1,75 п.л.

18. Кретов А.А., О возможности "Морфемно-морфонологического словаря языка Ф.М. Достоевского" // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001б, с. 252-271. – 1,25 п.л.

19. Кретов А.А., Четвертая транскрипция // Аванесовские чтения: Международная научная конференция: Москва, 14-15 февраля 2002 г.: Тезисы докладов /Под ред. М.Л. Ремневой и М.В. Шульги. – М.: МАКС Пресс, 2002, С.157-160. – 0,2 п.л.

20. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М.: Русский язык, 1986.

21. Ляхнович Т.Л. Принципы построения морфемно-грамматического словаря русских глаголов. Автореф. дисс. .. канд. филол. наук, М.: УДН, 1990. - 16 с.

22. Мельников Г.П. О природе фонетических и фонологических единиц в свете понятий современной системной лингвистики // Фонетика в системе языка. Сб-к статей, Вып. 1. М.: Изд-во РУДН, 1997, с. 26-48.

23. Реформатский А.А., Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970.- 528 с.

24. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания, М., 1975, с. 262-263.

25. Трубецкой Н.С. Основы фонологии, М., 1960.

26. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды в 2 тт. М., 1956-1957.

27. Хомский-Халле 1968: Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N.Y., 1968.

28. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка, М.: Наука, 1973. - 280 с.